





РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

*Марина*  
**СЕРОВА**


**Трамвай**  
**идет в депо**



МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
С32

**ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!**  
**МЫ В СОЦСЕТЯХ:**  
[www.eksmo.ru](http://www.eksmo.ru)  
 **vmirefiction**

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Художественный редактор *Е. Анисина*

**Серова, Марина Сергеевна.**

С32      Трамвай идет в депо / Марина Серова. —  
Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Русский  
бестселлер).

ISBN 978-5-04-171572-4

Частный детектив Татьяна Иванова оказалась в очень непростой ситуации: ей нужно за пару дней до Нового года найти пропавшего бизнесмена Олега Одинцова и его семью. В полиции никто не верит, что с Одинцовым что-то случилось. Тот пишет эсэмэски, отдает приказания своим подчиненным, но мать бизнесмена встревожилась, потому что около двух недель никто из семьи сына не выходит с ней на связь, в загородном доме их тоже нет. Татьяна подозревает, что владельцу крупного бизнеса грозит опасность, так как на дело всей его жизни нацелены конкуренты.

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171572-4

© Серова М.С., 2023  
© Оформление. ООО «Издательство  
«Эксмо», 2023

## ГЛАВА 1

*24 декабря*

Снега было слишком много.

Нескончаемая метель накрыла город белым покрывалом и похоронила для большинства горожан надежды быстро добраться до дома. Где-то было тепло, а на столе ждал горячий ужин. Но большая часть работающего населения Тарасова уже как два часа сидела в машинах и троллейбусах, глядя с завистью на светящиеся в темноте окна квартир, хозяевам которых посчастливилось к этому моменту оказаться в тепле домашних стен.

В пять часов вечера ситуация перешла в разряд катастрофических. Снегоуборочная техника не справлялась. Мэрия выгнала на улицы все машины, которые были в наличии, но автомобильный поток наглухо встал, скованный пробками, словно вековым льдом.

Я, к сожалению, тоже еще была в пути. Моя машина почти уперлась капотом в зад автобуса номер девятнадцать и медленно ползла за ним

в плотном потоке по одной из центральных улиц по направлению к дому.

Страшно хотелось трех вещей: кофе (разумеется!), поспать и придумать для городского транспорта новую расцветку. Ярко-оранжевый корпус автобуса неимоверно раздражал. Возможно, этот жизнерадостный цвет был призван вызывать позитивные мысли у горожан, но явно не тогда, когда ты полчаса вынужденно пялишься на апельсиновую глыбу, периодически обладающую твою машину черным облачком несгоревшей солярки.

Я пыталась убедить себя не расстраиваться.

«Будь мудрее, Иванова. Найди в себе силы принять то, что не можешь изменить: зиму, предновогодние пробки, нечищенные дороги и этот оранжевый автобус, по периметру которого идет не менее раздражающая надпись: «Скидки! Скидки! Скидки!»

С тех пор, как муниципальный автопарк решил продавать борта автобусов рекламодателям, на тебя со все сторон прыгали эти «Нереальные скидки!» и «Сантехника по разумным ценам».

Я вздохнула и закрыла глаза.

Метель усилилась. Дворники на лобовых стеклах заработали с удвоенной скоростью. В тот момент, когда я уже хотела поставить машину на обочине и пойти домой пешком, телефонный звонок отвлек меня от грустных мыслей.

■ — Слушаю, — устало проворчала я в трубку.

— Добрый вечер, — послышался интеллигентный женский голос, очень мягкий и вкрадчивый, как будто его хозяйка заранее боялась меня обидеть неуместным вызовом. — Могу я услышать Татьяну Александровну Иванову?

— Можете, — ответила я, поерзав на месте. Пятая точка от долгого сидения онемела, и я почти перестала ее чувствовать. — Слушаю вас.

— Меня зовут Мария Павловна Одинцова. Мне, кажется, нужна ваша помощь.

— Кажется? — удивленно переспросила я. — Обычно клиенты более уверены в том, что им требуются мои услуги.

— Понимаете, — женщина на том конце замялась, — я не вполне уверена, что случилось что-то плохое, но проверить просто обязана. Скажите, вы свободны сейчас?

— Прямо сейчас? — испугалась я. — Прямо сейчас я еду домой.

— Нет, нет, что вы! Я имела в виду, в текущий момент у вас есть время и возможность заняться моим делом?

Я мысленно пролистала свой ежедневник. В принципе, нужды в этом не было: перед Новым годом я старалась закрыть все дела, чтобы встретить праздник — один из немногих, которые по-настоящему ценила, — в спокойной обстановке.

Дело о пропавшем ожерелье в семье бизнесмена Кропоткина было, считай, завершено —

осталось только сообщить жене, что ее муж оказался геем и подарил фамильную драгоценность своему любовнику.

Других заказов пока не было, но я и не стремилась их брать, решив провести предстоящие праздники в кругу друзей и, может быть, съездить в столицу на шопинг.

— Я не сильно занята, но праздники впереди, сами понимаете, — наконец сказала я.

— Пожалуйста. Найдите время встретиться со мной, — взмолилась женщина. По голосу я поняла, что она была в возрасте. — Может, я и надумала себе что-то. Но не могу спокойно спать, пока не удостоверюсь в том, что с сыном все в порядке.

— С сыном? — машинально переспросила я, сама не замечая, как уже погружаюсь в неизвестную мне историю.

— Да. У меня сын пропал. Или не пропал... Я не знаю и совершенно сбита с толку. В полиции сказали, причин для беспокойства пока нет, но я же мать...

— Хорошо, — ответила я, поскольку все уже решила, — я смогу встретиться с вами завтра. Первая половина дня вас устроит?

Мы договорились о встрече, и я, завершив разговор, бросила телефон на соседнее сиденье. Беседа обещала быть необременительной. Скорее всего, старушка что-то себе надумала и для успокоения нервов решила со мной поговорить.

ное, но оставить бедную женщину наедине с ее тревогой я просто не могла.

Протяжный гудок вывел меня из размышлений — ряд машин продвинулся вперед, а я, задумавшись, застыла на месте, о чем нетерпеливый автомобилист сзади не преминул напомнить. Я подтянулась, моргнула обиженке аварийкой и включила радио. Заиграла веселая зарубежная песенка о Рождестве.

— *It's a most wonderful time of the year!*

Настроение немного улучшилось. В конце концов, скоро Новый год — сказала я себе. Что плохого может случиться в канун такого теплого и светлого праздника?

Оказалось, много чего...

\* \* \*

*Двумя неделями ранее...*

*Темнота съедала пространство. Темнота была повсюду. Он слышал глухое, хриплое дыхание жены рядом. Она уже успокоилась и перестала надрывно рыдать. Возможно, этому поспособствовал сильный удар по лицу, которым ее наградили минут двадцать назад. Она стихла и заплакала, а он из своего угла шептал ей ненужные, бессильные слова утешения.*

*Как это низко! Как это отвратительно!*

*Сейчас, когда они наконец остались одни, у него было время все осмыслить и успокоиться. Но еще полчаса назад все, о чем он мог думать — это*

*о том, чтобы остаться в живых. И о том, чтобы эти нелюди пощадили его семью.*

*Глаза понемногу начинали привыкать к темноте. Проступили очертания мебели: крупная массивная спина старинного шкафа, скелеты стульев у стола, витая рама зеркала.*

*Дочь тоже сидела рядом на одном из кресел. Похитителям хватило мозгов дать ребенку шерстяной плед. Он видел белеющие в сумраке колготки Лады и светлое брендовое платье, которое ей купили всего три дня назад.*

*Он позвал ее, и она откликнулась тихим голосом, севшим от страха.*

*Руки всем троим связали спереди.*

*Скоро все кончится. Он увезет семью в Барселону, и они забудут все произошедшее сегодня как страшный сон, который не имел к ним никакого отношения.*

*— Наташ, — позвал он жену, — милая, ты как?*

*Жена в ответ разразилась новой порцией беззвучных рыданий.*

*— Все будет хорошо. Я не допущу, чтобы с вами что-то случилось, — сказал он и сам понял, как глупо это прозвучало.*

*Все уже случилось. Они связаны и сидят в темной комнате, где пахнет плесневелой затхлостью, а батареи еле теплые. По каменной тишине за окнами, заклеенными черной бумагой, можно предположить, что они за городом. Ни звука, ни стука, ни шума электрички. Далеко от всех путей и дорог, далеко от людей.*

Он смутно начал догадываться, где они находятся, и эта догадка ледяной рукой сжала ему сердце. Если дело обстоит именно так, как он думает, никому их не найти. Ни одной живой душе просто не придет в голову искать их здесь. И тогда придется полагаться на удачу. Хотя в то, что удача может оказаться на его стороне, верилось слабо. Кто же отпустит пленников, если они видели лицо своего похитителя и знают о его преступных намерениях? А они видели и знают.

Он вытянул ноги, пытаясь принять более удобную позу на нелепой банкетке, на которую его посадили, и в конце концов решил просто сползти на пол.

Лада тоже не стала сидеть на месте. Она слезла со своего кресла и в темноте осторожно подошла к матери, прижалась к ней и начала утешать.

В этот момент вся безнадежность их положения стала ясна. Он закрыл глаза, чувствуя, как холодный, омерзительный ужас заполняет каждую клеточку тела.

Им не выбраться.

\* \* \*

25 декабря

Адрес, который мне продиктовала накануне Мария Павловна Одинцова, удивил — это была элитная новостройка, которая недавно воткнулась между аккуратными домами сонного исторического центра.

Пару лет назад, когда одному недобросовестному застройщику удалось выбить разрешение на ее строительство, она наделала много шума. Жители близлежащих домов устраивали многочасовые пикеты у здания мэрии, пытаясь не допустить возведения дорогой свечки, рушившей уютную прелесть старого района, но, разумеется, справедливости не добились. Чудо современной инженерной мысли, частично съев прекрасные дворики с яблоневыми садами, выросло в двадцать два этажа. Его обнесли высоким кованым забором, и в просторные квартиры с видом на старый патриархальный Тарасов въехали солидные жильцы. У местных жителей вид, наоборот, сильно испортился. Свечка нелепо вышалась над пышной зеленью окружающих садов и скверов, вызывая непристойные ассоциации. Не прошло и месяца после сдачи объекта, как злополучный дом обзавелся некультурным прозвищем.

Тарасовцы с удовольствием смаковали его, словно получая моральную компенсацию за поражение, а жильцы дома недовольно отмахивались. Зато у них потрясающий вид на реку, консерж на входе и гостиные — каждая величиной с небольшой концертный зал.

Подъезжая к «нехорошему» дому, я размышляла о том, кто же, собственно, моя клиентка. Судя по голосу, это была пожилая женщина. Во время разговора мне невольно нарисовался образ интеллигентной бабушки, учительницы му-

зыки на пенсии, но вряд ли служительница муз могла позволить себе такие хоромы. Стоимость квартир здесь, как и сама новостройка, стремилась за облака.

Подъехав к дому, я набрала номер таинственной клиентки, и она открыла ворота. Медленным, плавным движением они отъехали в сторону, пропуская меня на крытую гостевую парковку. Я припарковала машину между одинаковыми черными «Кайенами» и поднялась по ступеням к главному входу. Стены вентилируемого фасада тускло поблескивали в свете мягкого зимнего солнца. Пискнул домофон, и металлическая дверь тяжело открылась. Из подъезда вырвался теплый воздух.

На площадке первого этажа в стеклянной будке сидел консьерж — как жук в банке.

«Зачем тут консьерж? — подумала я. — С улицы сюда просто так не войдешь».

Словно подтверждая мои мысли о бесполезности его должности, усатый консьерж лениво скользнул по мне взглядом и вернулся к своему ноутбуку, где на экране негромко шла серия «Ментов». Рядом с дядькой исходил паром чай в грязноватой чашке и лежала упаковка таблеток от желудка.

— Здравствуйте, — кивнула я и пробежала мимо, к лифту.

Брови усатого флегматично дрогнули. Он промолчал, и я невольно подумала, что никогда в своей жизни не видела добродушного и улыб-

чивого консьержа, хотя жильцы за свои деньги явно имели право требовать чуть больше радушия.

Следуя инструкции, я поднялась на двенадцатый этаж.

Дверь квартиры сорок пять открылась мне навстречу сама — хозяйка ждала на пороге. Ею оказалась элегантная, изящная женщина в костюме шанелевского типа и с гладким пучком на затылке. Она была на каблуках, чем удивила меня несказанно.

Правда, оказавшись внутри ее квартиры, я поняла, что домашние тапочки тут абсолютно неуместны. Просторный холл был увешан картинами — старинными и, судя по всему, подлинными, как-то сразу чувствовалось, что хозяйка вряд ли опустила бы до копий, но размахистый импрессионистский стиль был узнаваем.

— Это Коровин, — сказала Мария Павловна, заметив мой интерес. — Не такие известные вещи, конечно, как в Третьяковке или в Русском музее, но не менее талантливые, на мой взгляд. Проходите в гостиную, я заварила нам чай.

Все еще слегка ошеломленная дворянским приемом, я разулась и прошла в комнату. Панорамные окна были обрамлены складчатыми шторами, напоминающими о концертной торжественности филармонии. На круглом столе невероятного размера стояли аккуратные чашечки из тонкого фарфора и чайник. К столу были подо-

двинуты кресла с плюшевыми бледно-лиловыми спинками. Помимо обеденной группы в гостиной стояло пианино, на котором стопкой громоздились нотные тетради. Стены и здесь были увешаны картинами, а одну из них подпирал изящный стеллаж от пола до потолка, весь уставленный книгами — судя по виду корешков, антикварными. Тут же, сердито подбоченясь круглыми ручками, стояли две огромные напольные вазы, а рядом — несколько больших статуэток, изображающих ангелов и пастушек. Весь этот сумбурный набор предметов был на удивление гармонично расставлен и не вызывал хаотичного ощущения музейного склада. Тут и там тяжелую классицизм разбавляли горшки с комнатными цветами, фикусы и домашние пальмы. Телевизора нигде не было видно, да он в эту благородную компанию и не вписывался.

Разглядывая чудесную гостиную, я чувствовала себя ребенком, впервые попавшим в музей.

От Марии Павловны не укрылось мое изумление.

— Все гости, приходя ко мне впервые, поначалу испытывают похожее недоумение, — рассмеялась она мелодичным, почти девичьим смехом. — Ничего не могу поделать — люблю красивые вещи и хорошо себя чувствую в их присутствии.

Мы уселись за стол.

— Я не коллекционер, — сказала Мария Павловна, разливая чай в тонкостенные чашеч-

ки, — просто не могу устоять перед обаянием настоящего искусства.

— Вы, наверное, работник культуры? — спросила я.

— Я музыкант, — ответила моя собеседница, передавая сахарницу. — Правда, с концертной карьерой у меня не сложилось, и я всю жизнь преподавала в Тарасовском музыкальном училище. Обучала игре на фортепиано. Да и сейчас, на пенсии, даю уроки на дому.

Видимо, на моем лице слишком явно отразилось недоумение: такая роскошная квартира и ее богемная обстановка явно были не по карману простой учительнице музыки.

— Это все, — Мария Павловна обвела комнату взглядом, — от моего мужа. В девяностых он занялся ресторанным бизнесом, и дело оказалось довольно успешным. Про ресторан «Либретто» слышали, думаю.

— Конечно. — В памяти коротко мелькнуло воспоминание о тяжелых фарфоровых тарелках и классических люстрах, свисавших с потолка на цепях. В свое время «Либретто» очень любили выбирать для встреч богатые клиенты.

— Еще у нас сеть пекарен была. Но мужа не стало около года назад, и пекарнями теперь занимается партнер Ивана по бизнесу.

Над столом поплыл пряный аромат. Я почему-то так и знала, что чай будет травяным. Мария Павловна была похожа на человека, который при слове «кофе» недовольно морщится.

Конечно, я бы предпочла чашечку свежесваренной арабики, но это неудобство можно потерпеть.

— Итак, Мария Павловна, — начала я, решив не затягивать светскую беседу, — по какому поводу вы меня позвали?

Легкая улыбка исчезла с лица хозяйки, и она быстро кивнула:

— Да, вы правы, сразу к делу.

Она встала с места, прошла к изящному комоду, спрятавшемуся за гигантским фикусом у двери, и достала из ящика какие-то фотографии. Вернувшись к столу, она положила передо мной снимки приятной семейной пары с дочерью лет двенадцати.

— Это мой сын и его семья.

— Лицо знакомое, — сказала я, вглядываясь в изображение красивого мужчины средних лет.

— Мой сын — Олег Одинцов, владелец компании «Тарасов-транс». Вы, наверное, слышали об этом неприятном скандале, который разгорелся в последние несколько месяцев?

— Да, я в курсе новостей. Теперь понятно, откуда мне знакомо его лицо.

Олег Одинцов владел большей частью коммерческого транспорта в Тарасове. Уже больше десяти лет его автобусы, выкрашенные в голубой цвет, бороздили наш город во всех направлениях. На его долю приходились самые прибыльные маршруты, что в конце концов сильно осложнило жизнь конкурентам. Я не вникала ■

в суть конфликта, который разгорелся около полугода назад, но знала, что власти инициировали конкурс, на котором должно было состояться перераспределение всех имеющихся в городе маршрутов, а также упрощена транспортная сеть, которую уже давно критиковали за перенасыщенность.

— Олег всегда меня ограждал от этих грязных вещей, от политики и своего бизнеса, — сказала Мария Павловна. — Думал, я ничего не понимаю и только волноваться буду. Но я не слепая и не умственно отсталая. Кому-то не понравилось, что у него лучшие маршруты и лучшие автобусы в городе. Мне кажется, его похитили.

— Похитили? — удивилась я. — Вам поступали требования о выкупе?

— Да нет, боже. — Мария Павловна махнула рукой. — Если бы дело было в выкупе, я просто заплатила бы. Да он сам заплатил бы! Нет, дело в другом. — Женщина сокрушенно опустила голову и покрутила свою фарфоровую чашечку. — Наверное, это как-то связано с его бизнесом.

— Почему вы думаете, что имело место похищение?

— Он не берет трубку уже много дней. Дома никого нет. Его жена и дочь тоже не отвечают. Такого никогда раньше не бывало.

— Они могли уехать куда-нибудь, — неуверенно произнесла я. — Почему вы исключаете такую возможность?

— Уехать и ничего не сказать мне? — возмутилась Мария Павловна. — Вы просто не понимаете. Мы с сыном очень близки. Созваниваемся обычно каждый день. Я часто приезжаю к ним в гости. Лада — это моя внучка — постоянно гостит у меня и тоже пишет каждый день. А позавчера был день рождения невестки Наташи. Мы планировали большой праздник, но накануне от нее пришло сообщение, что она заболела и торжества отменяются.

— И что в этом странного?

Мария Павловна посмотрела на меня как на дитя неразумное:

— Написать эсэмэс и не позвонить? О таких вещах в эсэмэске не пишут, неужели непонятно?

— Мария Павловна, — мягко произнесла я, пытаясь успокоить женщину, на глазах которой уже выступили слезы, — поймите меня правильно. Контакт с вашими родственниками, насколько я понимаю, полностью не потерян. Они вам пишут. Нельзя исключать того, что с ними все в порядке. Может, ваши близкие действительно заболели и им тяжело разговаривать.

— В полиции тоже так сказали, — грустно ответила Мария Павловна, — но я знаю: что-то не так. Они просто пару раз написали короткие послания, а от встреч уклоняются.

— Мария Павловна, простите за вопрос, но, может, они просто за что-то на вас обиделись?

— Да на что? Нет, говорю вам, мы не ссорились совершенно. У нас отличные отношения. — Женщина, опершись руками о стол, обхватила ладонями лоб. — Я написала каждому, что схожу с ума от волнения, и никто из них не отреагировал. Этого просто никогда бы не случилось. Пожалуйста, попробуйте узнать что-нибудь! Я же не прошу заниматься благотворительностью — оплачу вашу работу как полагается.

Что-то в ее тревожном голосе меня зацепило. Если отношения у Марии Павловны и ее сына действительно были такими близкими, как она говорит, то это «радиомолчание» и в самом деле выглядело странным. Тем более женщина не производила впечатление истерички, готовой удариться в панику от любой чепухи.

— Хорошо, — кивнула я, — проверить в любом случае не помешает. Теперь расскажите подробнее, когда ваш сын перестал выходить на связь и что было накануне.

Мария Павловна кивнула и, немного успокоившись, начала рассказывать.

12 декабря она проснулась с жуткой головной болью и позвонила сыну, чтобы попросить его привезти лекарство.

— Понимаете, — сказала моя собеседница доверительным тоном, — после смерти мужа я живу одна, а болею редко. У меня не очень много лекарств, потому что я не люблю принимать таблетки по любому поводу. У моих подруг аптечки помещаются в дорожных чемоданах, а я